УДК 330.88 DOI: 10.22394/2079-1690-2019-1-4-106-111

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ: ВЗГЛЯД ЭКОНОМИСТА*

Капогузов Евгений Алексеевич доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55). E-mail: egenk@mail.ru

Аннотация

В статье приводится анализ институциональных изменений в сфере семейной политики с акцентом на выявлении элементов видоизменяемых формальных институтов и механизмов под влиянием вызовов в социальной, политической и демографической сфере. Сгруппированы направления «Единого план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г. применительно к достижению демографической цели – обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации. Показаны недостатки существующих формальных институтов с точки зрения отсутствия акцента на механизмах достижения конечных результатов, недостаточной прозрачности взаимосвязи мероприятий, бюджета национального проекта «Демография» и заявленных целей. Показана важность учета научной составляющей при формировании стратегии развития национального проекта с позиции теории игр и концепции «грамматики институтов» Э. Остром. Высказываются предложения по совершенствованию формальных институтов и механизмов, регулирующих семейную политику в современной России.

Ключевые слова: *национальный проект, демография, формальные институты, институциональный анализ домохозяйств, цели национального развития, рост численности населения, естественный прирост населения, стимулирование рождаемости, материнский (семейный) капитал.*

В соответствии с Указом Президента РФ № 204 от 7.05.2018 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»[1] первой целью для Правительства Российской Федерации является обеспечить устойчивый естественный рост численности населения Российской Федерации. Как, в том числе, отмечается Бухвальдом и Ивановым, в отличие от прежней «шестилетки» (периода между майским Указами Президента 2012 г. и 2018 г.) новый механизм социально-экономического развития в виде «целеполагания через Указы» распространяется в том числе и на новые сферы, к которым относится и демографическая (семейная) политика [1]. В рамках данной статьи мы рассмотрим применительно к вышеуказанной «первой цели национального развития» существующие положения формальных институтов, выявив наличие механизмов и инструментов достижения целей и обсудим научную основу «нового демографического пакета».

В рамках реализации Указа№ 204 Правительством РФ был принят «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года»[2]. Как сообщается на сайте правительства, «Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024года представляет собой траектории выхода показателей, характеризующих данные цели, на целевые уровни, а также перечень инструментов и механизмов, направленных на их достижение вне зависимости от принадлежности»[3].

В качестве основных механизмов и инструментов, применительно к решению задач в рамках «демографического блока», (раздел II Единого плана, далее ЕП) выступают направления, позволяющие улучшить ситуацию с естественным приростом населения по обоим направлениям: как увеличение рождаемости, так и снижение смертности, и, тем самым, способствовать увеличению ожидаемой продолжительности жизни.

На наш взгляд, инструменты и механизмы необходимо сгруппировать по следующим блокам:

- связанные с улучшением ситуации в здравоохранении;

- связанные с улучшением демографической ситуации благодаря изменению стиля жизни граждан, пропаганде здорового образа жизни;

- комплексные воздействия на продолжительность жизни целого ряда взаимосвязанных направлений, способствующих снижению стрессов, улучшения благополучия граждан и т.п. Это касается результатов таких проектов, как "Здравоохранение", "Демография", "Экология", "Безопасные и качественные автомобильные дороги"; государственные программы Российской Федерации "Развитие здравоохранения", "Содействие занятости населения", "Социальная поддержка граждан",

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации по теме «Семейные домохозяйства как экономический субъект».

[1] В редакции Указа Президента Российской Федерации от 19.07.2018 г. № 444 http://kremlin.ru/acts/bank/43027

[2] http://static.government.ru/media/files/j8IV1FkssLpUqI89JCXZ2mLiliLEn7H8.pdf

[3] http://government.ru/news/36606/#

"Развитие образования", "Развитие физической культуры и спорта", "Охрана окружающей среды на 2012 – 2020 годы", "Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности".

Улучшение ситуации в здравоохранении, в свою очередь, предполагается достигнуть как с помощью инвестиций в физический капитал («оснащение больниц и поликлиник современным медицинским оборудованием, строительство и реконструкция детских больниц (корпусов), так и в человеческий капитал (обучение специалистов в области перинатологии, неонатологии и педиатрии, с 4. ЕП)[1]. Не меньшее значение уделяется и развитию информированности населения о возможностях профилактики неинфекционных заболеваний, выявляемых в первую очередь с помощью механизмов диспансеризации. При этом в тексте ЕП содержится типичная «ловушка метрик», предполагающая стимулирование исполнителей к «работе на показатель». Согласно тексту ЕП (с. 4) «к 2024 году планируется увеличение до 21,1% доли впервые в жизни установленных неинфекционных заболеваний, выявленных при диспансеризации и профилактическом осмотре у взрослого населения, от общего числа неинфекционных заболеваний с впервые установленным диагнозом)». Тем самым по сути медицинских работников предполагается стимулировать к выявлению заболеваний, даже в случае их спорности, в соответствие с известным выражением «нет здоровых людей, есть недостаточно диагностированные». В рамках реализации разрабатывается механизм предоставления оплачиваемого выходного работникам для прохождения ежегодной диспансеризации.

Применительно к разделу 2.2. «Обеспечение роста рождаемости» ЕП предусматривается девять мер, которые также можно разделить на блоки:

- меры по непосредственной финансовой поддержке семей с детьми. К ним относятся мера № 1 «дополнительная поддержка семей при рождении ребенка, совершенствование механизмов защиты материнства и детства, включая реализацию программы материнского (семейного) капитала»; мера № 4 «совершенствование механизма предоставления ежемесячных выплат в связи с рождением (усыновлением) первого ребенка»; мера № 5 «совершенствование механизмов распоряжения средствами материнского (семейного) капитала по продлению программы материнского (семейного) капитала после 2021 года»;

- меры по косвенному стимулированию рождаемости путем обеспечения доступности жилья и создание комфортных условий существования для семей с детьми (мера № 3 «повышение доступности жилья семьям с детьми (в том числе с помощью субсидирования процентной ставки по ипотечным кредитам), предоставление на безвозмездной основе земельных участков под строительство жилого дома при рождении третьего и последующего ребенка» мера № 9 «совершенствование механизмов улучшения жилищных условий семей с детьми, в первую очередь молодых семей с детьми, в том числе за счет расширения строительства доступного жилья, отвечающего потребностям семей, с одновременным строительством объектов социальной инфраструктуры, необходимых семьям с детьми». Последний пункт наиболее важен, поскольку по социологическим опросам наличие (или отсутствие) «детской» инфраструктуры имеет определяющее значение с точки зрения принятия решения о деторождении (в рамках парадигмы fertility choice «новой экономики семьи) для семей, относящихся к среднему классу и обладающий высоким базовым уровнем человеческого капитала

- институциональные инструменты и механизмы по адаптации родителей на рынке труда: мера № 2 «создание условий для осуществления трудовой деятельности родителей, имеющих малолетних детей»;

Меры, связанные с медицинской поддержкой материнства и детства: мера № 7 «повышение доступности и качества оказания бесплатной медицинской помощи женщинам в период беременности и родов, их новорожденным детям за счет развития технологий, снижающих риск неблагоприятного исхода беременности и родов, укрепления материально-технического и кадрового обеспечения службы материнства и детства; и мера № 8 «сохранение репродуктивного здоровья населения, обеспечение доступности и повышение качества медицинской помощи по восстановлению репродуктивного здоровья (в том числе вспомогательных репродуктивных технологий), повышение эффективности технологии экстракорпорального оплодотворения»;

И, наконец, можно отметить меру № 6, в которой сочетаются задачи как развития демографии, так и регионального развития: «принятие комплекса дополнительных мер по поддержке рождаемости, дифференцированных в зависимости от очередности рождений, в том числе в субъектах Российской Федерации со значением суммарного коэффициента рождаемости ниже среднероссийского значения, а также в субъектах Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа».

[1] здесь и далее ссылки на страницы ЕП даются по электронной версии, размещенной на сайте правительстве РФ URL. http://static.government.ru/media/files/j8IV1FkssLpUqI89JCXZ2mLiIiLEn7H8.pdf

Отдельные меры «демографического пакета» также, согласно ЕП, предполагается осуществлять при решении других задач. Так с целью снижения бедности в два раза (п. 3.2. ЕП, с. 8) предполагается осуществление как финансовых мер в виде «целевой поддержки нуждающихся семей с детьми (предоставление ежемесячных денежных выплат в связи с рождением первого и второго ребенка, а также при рождении третьего и последующих детей и иных пособий и мер поддержки)», так и инфраструктурные и институциональные меры «создания в субъектах Российской Федерации дополнительных мест для детей в возрасте до 3 лет в государственных, муниципальных и частных организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход». Не менее значимыми являются и меры, направленные на повышение как доступности жилья в целом, так и для семей с детьми, для которых предусмотрено отдельное место в разделе IV ЕП "Улучшение жилищных условий не менее 5 млн. семей ежегодно".

Вместе с тем, как следует из Приложения к ЕП, все вышеупомянутые меры должны позволить лишь снизить падение численности населения следствие естественных причин (от 219,1 тыс. чел. в 2019 г., до 29,9 тыс. в 2023 г., и рост на 1,0 тыс. человек предусмотрен лишь к 2024 г. (по сравнению с 2023 г.). Потерю в абсолютном выражении численности населения предполагается, судя по всему, компенсировать, согласно п.7.3. документа, за счет «миграционного прироста посредством гибкой миграционной политики с акцентом на меры, способствующие притоку высококвалифицированных мигрантов, в том числе на этапе получения образования».

В целом, несмотря на декларирование наличия инструментов и механизмов, направленных на их достижение заявленных целей развития, в данном документе нарушается важный методологический принцип стратегического управления, программно-целевого управления и бюджетирования, ориентированного на результат (БОР). За формулировками о комплексности и взаимосвязанности воздействия мероприятий по достижению целевых показателей, о том, что цели носят «"межпрограммный" ("межпроектный") характер: достижение ни одной из национальных целей не может быть обеспечено в рамках лишь одной государственной программы и(или) национального проекта (программы)» скрывается существенная ловушка ЕП: нарушение базовых правил экономической политики – Правила Тинбергена и правила Манделла. И если в первом случае конкретный инструмент должен соответствовать и обеспечивать достижение цели, то согласно Манделлу, тот государственный орган (в логике ЕП – ответственный чиновник), который имеет большие возможности по обеспечению достижения целевого показателя должен и обеспечивать достижение соответствующих целей. В данном документе, претендующем на комплексность и всеохватность, нет ни информации об объемах бюджетных ассигнований, выделяемого на достижение целей (значения величин расходов бюджета «размазаны» по отдельным государственным программам), ни прописаны конкретные мероприятия, предполагающиеся для достижения конкретных целей в рамках предусмотренных бюджетных ассигнований (что предполагается при механизме БОР). Тем самым не обеспечивается не прозрачность, ни подотчетность при реализации соответствующих действий правительства по реализации ЕП по достижению национальных целей развития.

Для преодоления этих недостатков, на наш взгляд, необходима четкая увязка в едином документе (возможно, в дополнительном приложении к ЕП) объемов бюджетного финансирования и конечных показателей (outcomes). Необходимо не только разъяснить динамику конкретных показателей через связку «затраты (бюджета) – результаты (показатели достижения целей)», но и показать мероприятия и альтернативные сценарии развития событий по конкретному направлению.

Другой важной составляющей механизма реализации применительно к целям национального проекта «Демография» (далее НПД) является государственная программа, представленная на сайте Министерства труда и социальной защиты, где размещен паспорт национального проекта[1]. В нем представлены основные параметры: целевые показатели и прогноз их динамики,

Детализировано содержание НПД раскрывается в пяти программах:

- «Финансовая поддержка семей при рождении детей»;
- «Содействие занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей возрасте до трех лет»;
- «Старшее поколение»;
- «Укрепление общественного здоровья»;
- «Спорт – норма жизни».

Общий бюджет национального проекта составляет 3 047 390 600 руб.[2].

На наш взгляд, в рамках национального проекта также отсутствуют полноценные механизмы и институты, способствующие реализации намеченных конечных целей. Значительная часть меропри-

[1] https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography

[2] (https://strategy24.ru/rf/demography/projects/natsional-nyy-proyekt-demografiya)

ятий характеризуется исключительно процессными показателями, предполагающими выделение бюджета и его освоение и лишь относительную косвенную связь между мероприятиями проекта и конкретными показателям. Это касается к примеру таких мероприятий как обеспечение просмотров в 2019 году «не менее 2,5 миллионов просмотров телевизионных и радиопрограмм, телевизионных документальных фильмов, Интернет-сайтов, направленных на сохранение семейных ценностей, поддержку материнства и детства», (п. 1.8 1.17 применительно к показателю для 2020 года и последующие пункты паспорта национального проекта программы), схожая ситуация с п. 1.9 и др. Также как в Едином плане, в НПД не обоснована динамика изменения количественных показателей, в том числе в разделе 6. «дополнительная информация» и «дополнительные обосновывающие материалы», характеризующих достижение целей по годам реализации. В некоторых случаях сам по себе факт целевого показателя стимулирует к освоению выделяемых средств, без описания конкретной необходимости осуществления мероприятий и связи с конечными результатами. В частности это касается п. 4.2. НПД, посвященного «Содействию занятости женщин – создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», согласно которому за период 2020–2024 гг. планируется переобучить и повысить квалификацию 230 тыс. женщин, имеющих детей до трех лет. Это лишь частный пример, такой логикой руководствуются составители и в других частях документа, что создает основу для манипуляций при использовании общественных ресурсов и «работы на показатель в целом», что часто характерно для российской версии БОР [2].

Как видно из текста документа, в нем отсутствует идеология национальных проектов. В первую очередь это объясняется недостатком научной основы проекта, что характерно в целом для российской политики регулирования различных сфер общественного сектора [3]. Проект характеризуется набором хотя и взаимодополняющих, но не взаимосвязанных практических идей и практик, которые можно проследить в перечне мероприятий проектов. Львиная доля выделяемых средств, связанная с финансовой поддержкой, выделяется на поддержание уровня жизни наименее обеспеченных домохозяйств: как правило, право на получение пособий имеют те из них, доходы которых ниже прожиточного минимума. В отличии от «демографического пакета» середины 2000-х, связанного в первую очередь с введением института семейного (материнского) капитала, акцент сделан на частичное замещение выпадающих доходов матерей, находящихся в декретном отпуске, и размер пособия по уходу за ребенком в возрасте до 1,5 лет возрос. Также стоит, на наш взгляд, отметить преемственность политики семейного капитала, которая является важным элементом не только демографической политики, но и вкупе с другими мерами финансового характера способствует поддержанию спроса на рынке недвижимости, что очень важно в условиях падения реальных располагаемых доходов населения, особенно в «нестоличных» и дотационных субъектах российской федерации. Подавляющую долю в структуре расходов по направлениям использования занимает погашение ипотечных кредитов и финансирование жилищного строительства.

Существующий пакет мер, предусмотренный НПД, не учитывает содержание региональной специфики, важность региональной идентичности и опасность изоморфизма. Хотя в перечне мероприятий существует как дополнительные меры поддержки для приоритетных в демографическом и социальном смысле федеральных округов (Дальневосточного и Северо-Кавказского), а также предусмотрено дополнительное финансирование для тех субъектов, где демографические показатели «просаживаются», данной системе мер требуется более «тонкая настройка» с позиций учета региональной идентичности, которую можно идентифицировать с помощью специальных социологических и культурологических методов [4]. Важен и учет региональной специфики с точки зрения пространственного развития. Как отмечает Б. Порфирьев, «основные направления законодательного обеспечения реализации упомянутых задач на региональном уровне должны содержать пространственную составляющую и учитывать специфику конкретных регионов» [5, с. 178].

Относительно научной составляющей проекта в основе набора мероприятий закладывается следование принципу экономической рациональности, в частности акцент на материальном стимулировании повышения рождаемости. В этом плане мотивация семей к деторождению не только более сложная и не отталкивается исключительно от стратегии «машин удовольствия» [6] и основывается на институциональном контексте (культурных и социоэкономических факторах). Однако она зачастую далека от идеи учета ряда достижений современной науки, как экономической, так и теории игр, в частности концепции матчинга и марьяжа [7]. Стоит отметить, что несмотря на неоднократные подтверждения эффективности стратегии марьяжа и учет специфического брачного капитала (marriage special capital) в понимании Г. Беккера [8] в теоретико-игровых моделях реальные институциональные стратегии учитывают не только влияние четких предпочтений, когда игроки (мужчины и женщины) делают шаги и ожидают реакции контрагента на их предложение, но и возможное влияние регионально-специфических норм и традиций (алгоритм Гейла- Шепли). Ключевым недостатком модели марьяжа является то, что она базируется на нереалистичных предпосылках, предполагает низкие или даже нулевые транзакционные издержки, дискретность выбора и приводит к субопти-

мальности в условиях временных и когнитивных ограничений. Реальность стратегий, на наш взгляд, может быть усилена при переходе от тактического дискретного варианта принятия решений под влиянием текущих факторов к анализу специфических норм, влияющих на региональную идентичность, которая может быть выявлена через анализ нарративов, имеющих локальный характер.

Применительно к анализу идентичности на стыке экономики и других социальных наук, в частности социологии и политологии целесообразно в рамках институционального анализа обратиться к подходу Э. Остром и С. Кроуфорд о «грамматике институтов» (Grammar of Institution) [9]. В рамках данного подхода, хотя и имеющих политологические аспекты, связанные с применением в политологии теории рационального выбора, помимо традиционных правил и норм, определяющих человеческое поведение, большое значение для принятия решений составляют также и разделяемые стратегии, которые в значительной степени носят повторяющийся характер и именно последние определяют человеческие взаимодействия в не меньшей степени чем «физический мир» (материальная составляющая существования). Этот подход о значении институтов как разделяемых стратегий, имеющий контекстную идентичность, существенно менее известен, чем рассмотрение институтов как равновесий или как правил (по Норту – традиций) [10].

В рамках развития подхода Кроуфорд и Остром возникло уже нормативное понимание институтов. Согласно недавним исследованиям, институты – это стратегии, нормы и правила, воплощенные в государственной политике и / или социальных соглашениях. Они отражают и устанавливают ожидания в отношении того, кто, что, где и как может делать, и часто используются для решения дилемм коллективных действий и других видов вызовов в сфере социальной координации. [11, с. 1]. Это предполагает выстраивание «обязательств, заслуживающих доверия» (credible commitments), что крайне важно для устойчивости и преемственности демографической политики.

Подводя итоги, стоит еще раз обратить внимание на следующие противоречия в формальных институтах, которые отмечались ведущими российскими экспертами применительно к идеологии национальных проектов в целом [12], регулирующих демографическую (как часть семейной) политику в современной России:

- отсутствие четкой взаимосвязи между ресурсоемкими мероприятиями проекта и показателем, характеризующим конечный результат (положительная динамика естественного прироста населения РФ);

- отсутствие должной прозрачности в распределении средств между отдельными направлениями и программами национального проекта, что не способствует «продуктовой подотчетности» и взаимосвязи между бюджетированием и стратегическим планированием [13];

- недостаточный учет региональной специфики мероприятий проекта с точки зрения параметров пространственного развития и региональной идентичности разделяемых стратегий поведения индивидов как относительно семейных отношений, так и других аспектов демографической политики, связанных с принятием решений относительно деторождения и инвестиций в человеческий капитал;

- недостаток научной проработанности «демографического пакета» с позиций как «новой экономической теории семьи», так и современных достижений теории игр, экономической социологии и институциональной экономической теории.

Данные обстоятельства и, в особенности, выявленные лакуны в научной обоснованности создают условия для дальнейшего анализа и обоснования направлений совершенствования демографической политики и «тонкой настройки» как инструментария социально-экономического развития, так и улучшения институциональной среды в данной сфере. На наш взгляд экспертное обсуждение содержания национальных проектов в терминах экономического подхода (затраты- результаты) должно способствовать улучшению сложившейся ситуации.

Литература

1. *Иванов О.Б., Бухвальд Е.М.* Указы Президента Российской Федерации как инструмент стратегического целеполагания в российской экономике // ЭТАП: Экономическая теория, анализ, практика. 2019. № 3. С. 7 – 24.
2. *Тамбовцев В.Л.* Планирование и оппортунизм // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 22 – 39.
3. *Игнатова Т.В., Алифанова Е.Н.* Институциональная характеристика бюджетного финансирования общественного сектора // Финансовые исследования. 2018. № 2. С. 20 – 26.
4. *Акерлоф Дж.А, Крэнтон Р.Е.* Экономика идентичности. Как наши идеалы и социальные нормы определяют, кем мы работаем, сколько зарабатываем и насколько несчастны. М.: Карьера Пресс, 2010. 224 с.
5. *Порфирьев Б.Н.* Императивы законодательного обеспечения реализации майского 2018 г. Указа Президента России: пространственный аспект // ЭКО. 2018. № 9. С. 177 – 191.
6. *Hodgson G.M.* From pleasure machines to moral communities: an evolutionary economics without homo economicus. Chicago and London: The Chicago University Press, 2013.
7. *Барбашин М.Ю.* Оптимальные институциональные стратегии и идентичность в условиях неопределенности социальных дилемм (на примере бинарных игр) // Журнал институциональных исследований. 2014. Том 6. № 4. С. 116 – 136.

8. *Беккер Г.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2003. 672 с.
9. *Crawford S. E.S and Ostrom E.* Grammar of institution // American political Science review. 2005. Vol. 89 no 3., Sept. pp. 582-600.
10. *Тамбовцев В.Л.* Институты-как-равновесия vs институты-как-правила // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 111 – 122.
11. *Heikkila Tanya, Siddiki Saba, Weible Christopher M., Pacheco-Vega Raul, Carter David, Curley Cali, Deslatte Aaron, and Bennett Abby.* Institutional Analysis with the Institutional Grammar // Policy Studies Journal. Vol. 0. No. 0, 2019, p. 1-25.
12. *Караваева И.В., Иванов Е.Б.* Противоречия и риски российской системы управления (13 майских указов 2012 г. и 1 указ с 12 нацпроектами 2018 г.) // Менеджмент и бизнес-администрирование. 2018. № 3. С. 49 – 66.
13. *Капогузов Е.А.* Взаимосвязь стратегического планирования, инициативного и продуктового бюджетирования в России и за рубежом. // Вестник Кемеровского университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1 (7). С. 92 – 96.

Kapoguzov Evgeny Alekseevich, Doctor of Economics, Associate Professor, Head of Chair of Economic Theory and Entrepreneurship, Omsk F.M. Dostoevsky State University (55 a, Mira Ave., Omsk, 644077, Russian Federation). E-mail: egenk@mail.ru

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF NATIONAL PROJECTS IN THE FIELD OF DEMOGRAPHIC POLICY: ECONOMIST GLANCE

Abstract

The article provides an analysis of institutional changes in the field of family policy with a focus on identifying elements of mutable formal institutions and mechanisms under the influence of challenges in the social, political and demographic sphere. The directions of the "Unified Plan for the achievement of the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2024 with respect to the achievement of the demographic goal – the provision of sustainable natural growth in the population of the Russian Federation are grouped. The shortcomings of the existing formal institutions are shown in terms of the lack of emphasis on the mechanisms for achieving the outcomes, insufficient transparency and accountability. The importance of taking into account the scientific component in the formation of the development strategy of a national project from the perspective of game theory and the "Grammar of institutions" by E. Ostrom is shown. Suggestions are made for improving formal institutions and mechanisms that regulate family policy in modern Russia.

Keywords: *national project, demography, formal institutions, institutional household analysis, national development goals, population growth, natural population growth, fertility stimulation, maternal (family) capital.*

References

1. Ivanov O.B., Buhval'd E.M. Ukazy Prezidenta Rossijskoj Federacii kak instrument strategicheskogo celepolaganiya v rossijskoj ekonomike // ETAP: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika. 2019. № 3. S. 7 – 24.
2. Tambovcev V.L. Planirovanie i opportunizm // Voprosy ekonomiki. 2017. № 1. S. 22 – 39.
3. Ignatova T.V., Alifanova E.N. Institucional'naya harakteristika byudzhetnogo finansirovaniya obshchestvennogo sektora // Finansovye issledovaniya. 2018. № 2. S. 20 – 26.
4. Akerlof Dzh.A, Krenton R.E. Ekonomika identichnosti. Kak nashi idealy i social'nye normy opredelyayut, kem my rabotaem, skol'ko zarabatyvaem i naskol'ko neschastny. M.: Kar'era Press, 2010. 224 s.
5. Porfir'ev B.N. Imperativy zakonodatel'nogo obespecheniya realizacii majskogo 2018 g. Ukaza Prezidenta Rossii: prostranstvennyj aspekt // EKO. 2018. № 9. S. 177 – 191.
6. Hodgson G.M. From pleasure machines to moral communities: an evolutionary economics without homo economicus. Chicago and London: The Chicago University Press, 2013.
7. Barbashin M.YU. Optimal'nye institucional'nye strategii i identichnost' v usloviyah neopredelennosti social'nyh dilemm (na primere binarnyh igr) // ZHurnal institucional'nyh issledovanij. 2014. Tom 6. № 4. S. 116 – 136.
8. Bekker G. CHelovecheskoe povedenie: ekonomicheskij podhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoj teorii. M.: Izd. dom GU VSHE, 2003. 672 s.
9. Crawford S. E.S and Ostrom E. Grammar of institution // American political Science review. 2005. Vol. 89 no 3., Sept. pp. 582-600.
10. Tambovcev V.L. Instituty-kak-ravnovesiya vs instituty-kak-pravila // ZHurnal ekonomicheskoj teorii. 2013. № 4. S. 111 – 122.
11. Heikkila Tanya, Siddiki Saba, Weible Christopher M., Pacheco-Vega Raul, Carter David, Curley Cali, Deslatte Aa-ron, and Bennett Abby. Institutional Analysis with the Institutional Grammar // Policy Studies Journal. Vol. 0. No. 0, 2019, r. 1-25.
12. Karavaeva I.V., Ivanov E.B. Protivorechiya i riski rossijskoj sistemy upravleniya (13 majskih ukazov 2012 g. i 1 ukaz s 12 nacproektami 2018 g.) // Menedzhment i biznes-administrirovanie. 2018. № 3. S. 49 – 66.
13. Kapoguzov E.A. Vzaimosvyaz' strategicheskogo planirovaniya, iniciativnogo i produktovogo byudzhetirovaniya v Rossii i za rubezhom. // Vestnik Kemerovskogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sociologicheskie i ekonomicheskie nauki. 2018. № 1 (7). S. 92 – 96.